

А.А. Постникова
A.A. Postnikova

**МОСКВА В 1812 ГОДУ: РУССКАЯ КАМПАНИЯ
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОЛДАТ
ВЕЛИКОЙ АРМИИ НАПОЛЕОНА**

**MOSCOW IN 1812: THE RUSSIAN CAMPAIGN
IN THE VIEW OF THE NAPOLEON'S
GREAT ARMY'S SOLDIERS**

В статье на основе опубликованных и неопубликованных источников личного происхождения проанализировано представления чинов Великой армии о событиях русской кампании, о неприятеле в период пребывания в Москве. Именно данный этап войны ярко продемонстрировал столкновение разных «культур» и влияние «коллективного воображаемого» на процесс формирования исторической памяти. Автор отметила трансформацию индивидуальной памяти французских солдат в коллективную о русской кампании под воздействием событий, произошедших в Москве. Так, чувствуя страх, ощущая опасность, значительная часть солдат вынуждена была довериться официальной пропаганде, стирая из своей памяти проникнутые индивидуальностью образы событий, тем самым способствуя формированию «коллективного воображаемого». Более того, не комфортное пребывание в Москве, способствовало формированию негативного образа не только неприятеля, но и самой русской цивилизации. Принимая во внимание, что французские солдаты играли роль своеобразных посредников в диалоге между культурами, мы полагаем, что «сидение в Москве» серьезно повлияло на закрепление представления об этой войне как о жестокой борьбе цивилизаций не только в умах чинов Великой армии, но и всего западноевропейского общества.

The article, based on published and unpublished sources of personal origin, analyzed the representations of the ranks of the Great Army about the events of the Russian campaign, about the enemy during his stay in Moscow. It was this stage of the war that clearly demonstrated the clash of different “cultures” and the influence of the “collective imaginary” on the process of forming historical memory. The author noted

the transformation of the individual memory of the French soldiers into a collective one about the Russian campaign under the influence of events that took place in Moscow. Thus, feeling fear, feeling danger, a significant part of the soldiers had to confide in official propaganda, erasing from their memory the images of events imbued with personality, thereby contributing to the formation of the “collective imaginary.” Moreover, not a comfortable stay in Moscow contributed to the formation of a negative image not only of the enemy, but also of Russian civilization itself. Bearing in mind that French soldiers played the role of peculiar mediators in the dialogue between cultures, we believe that the “sitting in Moscow” seriously influenced the consolidation of the idea of this war as a cruel struggle of civilizations not only in the minds of the ranks of the Great Army, but in general of Western European society.

Ключевые слова: Русская кампания Наполеона, историческая память, пожар Москвы, имагология, столкновение цивилизаций.

Key words: Napoleon’s Russian campaign, historical memory, Moscow fire, imagology, clash of civilizations.

Пребывание армии Наполеона в Москве ярко продемонстрировало столкновение разных «культур войны», предопределившее мощное воздействие «коллективного воображаемого» на процесс формирования исторической памяти. В сущности, данная проблема носит конкретно-исторический, историко-теоретический и междисциплинарный характер, выраженный в использовании методов имагологии, исторической памяти и военно-исторической психологии. Комплекс вышеперечисленных методологических направлений применительно к анализу пребывания Великой армии в Москве использовал российский историк В.Н. Земцов¹. Он воссоздал подробную картину межнационального взаимодействия, отражения произошедших событий в сознании участников, представив этот конфликт как столкновение разных культурных ценностей.

Впечатления французских солдат этого периода, как правило, стали основой формирования коллективных представлений европейцев о событиях, произошедших в Москве в 1812 г. В рамках исследования процесса формирования памяти о русской кампании представляют интерес факторы, влияющие на интерпретацию событий войны французскими солдатами, а также этап преломления индивидуальных представлений в «коллективное воображаемое». «Прошлое – это продукт интерпретаций, наделяющих его смыслами»², – отметил историк Х. Вельцер.

Комплекс исторических источников о событиях, развернувшихся в Москве в 1812 г., предоставляет значительный материал для понимания трансформации образа войны в представлении чинов Великой

армии, механизмов преломления «воображаемых структур» в результате взаимодействия с эмпирическим опытом, и, наконец, процесса конструирования коллективной памяти на основе индивидуальных представлений и целенаправленных действий со стороны властных структур.

После длительного периода ожидания генерального сражения, французские солдаты, наконец, встретились с русской армией на Бородинском поле. Ощущение триумфа, которое они испытали к концу битвы, первоначально способствовало восприятию сражения как ключевого этапа войны и как, своего рода, предзнаменования победного окончания кампании. Французы спешили зафиксировать в письмах и дневниках свои восторженные впечатления о сражении. Так, капитан Э.Б. Кастелян в своем журнале лаконично отметил: «Мы выиграли это сражение»³. Он, как и многие другие солдаты, был восхищен героизмом армии и мудростью французского императора: «Наша армия сражалась с энтузиазмом, с криками “Да здравствует, император”!»⁴.

Французы были уверены, что окончательный триумф уже близок, и они выиграли «второй Аустерлиц»⁵. «Вера в императора и храбрость нашей армии обеспечили нам победу», – заключил полковник Л.Г. Пюибюск⁶. Г.Ж.Р. Пейрус, казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, в свою очередь, заметил, что русские «пришли в бешенство и отступили»⁷. Следует отметить, что некоторые из солдат уже встречались с русской армией под Аустерлицем и не удержались от того, чтобы привести аналогии между двумя битвами. В частности, капитан 2-го полка пеших гренадеров императорской гвардии Л.Ф. Фантен дез Одар, тогда, в 1805 г. написал в дневнике о своих впечатлениях от действий неприятеля: «Русская гвардия отличилась в сражении. Но, к своему несчастью, она получила отпор. Несмотря на проявленную русскими смелость, они все же отступили»⁸. Чувство уважения к неприятелю оказалось свойственно Фантен дез Одари и в описании битвы при Москве-реке: «Следует отметить, что люди, которых мы называем варварами, позаботились о захоронении своих товарищей»⁹. Но Москва многое изменит...

В тот момент, когда Великая армия восторгалась очередным триумфом, в Париже получили новости о победе под Смоленском¹⁰. В это же время в газетах был представлен публике новый труд историка П. Левека, посвященный борьбе поляков за независимость от Российской империи¹¹. Заметки, подобные этой, убеждали французскую общественность в необходимости происходившей войны и оправдывали действия Наполеона.

О битве при Москве-реке парижане узнали из газет 23 сентября, прочитав радостное известие: «Противник полностью разбит»¹². В последующих выпусках газет публиковались письма французских солдат, принявших участие в сражении, в которых подтверждался факт победы Великой армии и неоднократно упоминалось, что неприятель понес значительные потери. В свою очередь, в российских газетах также отмечалось, что французы отступили перед мощью русской армии¹³. Так, благодаря периодической печати, в сознании двух народов прочно укоренились, казалось бы, взаимоисключающие представления, ставшие основой для формирования памяти о событии.

В то время, когда в Париже читали сообщения о Бородинской битве, Великая армия уже расположилась в Москве, находясь в предвкушении очередного триумфа империи и императора¹⁴. Исходя из собственных представлений и опыта предыдущих кампаний, они ожидали, что противник подпишет мирный договор, и на этом война завершится. Воспользовавшись возможностью, солдаты обзоредали Москву, описывая в дневниках и письмах ее красоты. Очевидно, что европейский миф о России не был устойчивой системой, в нем удивительным образом присутствовало чувство взаимного притяжения и отталкивания Запада и Востока. Это хорошо видно в текстах солдат Наполеона. Так, некоторые солдаты увидели в Москве азиатскую экзотику, другие были удивлены, встретив в городе элементы европейскости¹⁵.

К примеру, Фантен дез Одар почувствовал в городе дух Азии, который наваял ему образы сказочного Востока из далекого детства¹⁶. Каменная удивили каменные постройки и красивые дворцы: «Этот город огромен; вокруг – богатые дворцы»¹⁷. Однако активное каменное строительство он объяснил себе не приобщением русских к европейской культуре, а результатом использования рабского труда: «Великолепие дворцов демонстрирует богатство русских сеньоров и объясняет легкость, с которой они используют труд своих рабов»¹⁸. Главный хирург Великой армии Д.Ж. Ларрей также восхитился городом: «Я только что приехал в этот город, один из наиболее отдаленных городов земного шара, самый большой из всех городов, виденных мною, а также и самый красивый; но он пустынен, все жители, за исключением некоторых несчастных из престолярства, оставили его»¹⁹.

Основная же часть солдат, далекая от размышлений об искусстве, акцентировала внимание на всеобщей усталости²⁰ и тешила себя воспоминаниями о героической битве при Москве-реке²¹. Солдаты воспроеиз-

водили в письмах одни и те же сюжеты: русские понесли значительные потери²², французы бросались в атаки с криками: «Да здравствует, император!»²³. На фоне всеобщей героизации представления о сражении в письмах участников чувствуется стремление преуменьшить боевые качества неприятеля. К примеру, адъютант Ж.А. Леушер 16 сентября написал своей жене, что русские несколько раз пытались его убить, но «они – слишком неловкие для выполнения этой задачи»²⁴. Возможно, конечно, солдаты, упоминая о фактах слабости русских солдат, стремились тем самым вселить в своих родственников уверенность в скорое окончание этой кампании.

Единственным, кто воздержался от упоминаний о героизме Великой армии, был А. Бейль (Стендаль). Он не вспоминал о битвах, не восхищался красотой русских дворцов, но он был польщен образованностью русской элиты. Переезд из Апраксинского дома во дворец Ф.В. Ростопчина с обширной библиотекой позволил А. Бейлю на мгновение опять закрыться в своем мире книг: «Мы остановились в этом доме, где, по-видимому, жил богатый человек, любящий искусство. Там были прекрасные книги. Например, Бюффон, Вольтер»²⁵. Судя по словам писателя, в Москве он занимался не только литературой, но и находил время принять участие в грабежах: «Я устал; приходилось идти пешком, так как моя коляска была загружена добром, награбленным моими слугами»²⁶.

Через несколько дней пребывания в Москве, восторженные разговоры о выигранном сражении и восхищение видом города закончились. Солдаты постепенно осознали, что обречены на неизбежное длительное ожидание мира и на затяжную войну. Солдаты Наполеона оказались в ситуации неопределенности, особенно остро ощутимой после того, как испытали славу победителей. Так, с конца сентября в письмах солдаты стали проявлять недовольство тем, как развиваются события: «Я не берусь говорить, что впереди – мир или война; ничто не исправит ситуации, в результате которой мы вынуждены оставаться в Москве в ожидании дальнейших событий. Между тем, мы начинаем терять надежду»²⁷.

Единственное, что интересовало солдат в тот момент, – это скорейшее завершение кампании²⁸ и возвращение на родину, чувство ностальгии по которой они все чаще проявляли в своих письмах²⁹. Солдаты пережили первые сомнения в отношении своей победы над Россией и убежденности в вечности своей империи. Чувство неуверенности они проецировали и на действия Наполеона: «Император,

видимо, уповает на Провидение, не предпринимая никаких действий, ожидает мира»³⁰. «Пожар заставил нас задуматься о том, что ожидание в городе было фатальным решением. Однако мир всегда подписывается в столице. Наши надежды на мир развеялись. Мы были далеки от понимания этого акта варварства и вандализма»³¹, – отметил в своем журнале су-лейтенант Дюке.

Получая подобные письма, французское общество, со своей стороны, с еще большим нетерпением, чем раньше, ожидало новостей о завершении кампании. «Мы верим в мир и в твое скорое возвращение»³², – написала графиня М.Э. Бараг д'Илье своему мужу генералу Л. Бараг д'Илье. Очевидно, что подобные слова родственников и ситуация неопределенности усугубляли уныние, воцарившееся в армии. «Мы стараемся не говорить ни о мире, ни о войне»³³, – охарактеризовал внутреннее состояние солдат лейтенант П. Бернар.

Вполне очевидно, что в это время солдаты недоумевали по поводу происходящего. Они не понимали причин, по которым откладывается подписание мира, почему загорелся город и зачем русским надо было уничтожить запасы продовольствия?

Наконец, из 19 бюллетеня Великой армии, опубликованного 16 сентября, солдаты узнали официальную версию командования³⁴. Они прочитали, что поджог города был организован русскими под руководством губернатора Ф.В. Ростопчина. Видимо, не допуская мысли, что русский император мог быть связан с этим пожаром, и в надежде на установление контактов с русским императором Наполеон 20 сентября обратился к Александру I со следующими словами: «Прекрасного и великого города Москвы более не существует: Ростопчин его сжег»³⁵.

Наполеон также сообщил в Париж о пожаре, но отметил, что, несмотря на случившееся, армия нашла необходимое продовольствие в городе³⁶. Свое негодование по поводу действий русских он смог выразить только жене Марии-Луизе в письме от 18 сентября: «Это губернатор и русские, которые в ярости от того, что побеждены, подожгли этот прекрасный город»³⁷. Командованию Великой армии также была предложена эта версия случившегося. К примеру, Ю.Б. Маре, герцог Бассано, отписал маршалу Ж. Макдональду следующее: «Пожар, который произошел в этой великой столице, есть катастрофа, которая случилась в результате действий русских по приказу Ростопчина. Это ужасно действовать подобными методами. Местные жители находятся в состоянии дикости»³⁸.

Так, формировалась официальная французская версия о событиях в Москве, которая в дальнейшем станет элементом коллективной памяти французов в отношении всей русской кампании. Солдаты, получив объяснение, подтверждающее варварское поведение неприятеля, ухватились за подобное суждение, ставшее для них спасительным, чтобы не предаться полному отчаянию. Эта версия в очередной раз убедила их в справедливости действий Наполеона и объединила против общего «врага цивилизации».

В результате тема пожара стала центральным сюжетом писем солдат, отодвинув в тень все прочие события кампании; солдаты фактически лишились способности к индивидуальному восприятию происходящего. Описанием варварского поведения неприятеля солдаты пытались обосновать в письмах к родственникам длительное ожидание подписания мирного договора. Они недоумевали, что неприятель смог уничтожить «такой красивый город»³⁹, называли пожар Москвы «самым красивым ужасом в своей жизни»⁴⁰. В этот момент происходит преломление в сознании французов представлений о неприятеле; солдаты характеризуют теперь русских не иначе как варваров: «Москва – это древняя резиденция всех русских царей. Она была объята огнем, в котором эти варвары выразили свою ярость»⁴¹, – отметил полковник Ж.П. Баррие. Кастеллян в это время уже не писал восторженных строк о прекрасных дворцах Москвы, а, как и большинство, возмущался коварством русских: «Мы собираем силы для того, чтобы покинуть эту резиденцию, мы не хотим стать жертвой еще большей небрежности и коварства. Русские сожгли собственный город. Что можно еще от них ожидать?»⁴². «Русские со своим адским разумом подожгли свою столицу; жители, естественно, убежали»⁴³, – отметил Ж. Эйшнер, музыкант 35-го линейного полка. «Москва, этот красивый и большой город, сожжен этими варварами. Огромные магазины с товарами и дворцы уничтожены»⁴⁴, – описывал масштабы бедствий капитан Ван Бокон.

Варварский образ неприятеля привел к формированию в сознании французских солдат негативных представлений о местных жителях. Мы более не встречаем в письмах восхищения образованностью русской элиты и красотой ее дворцов, солдаты концентрируют внимание на рабском положении и дикости русского народа⁴⁵. «Они имеют вид настоящих дикарей; нет ни одной приятной фигуры»⁴⁶, – отметил почтовый чиновник, служивший при Великой армии, Итасс. Теперь солдаты начинают связывать разрушение города не только с действиями

русской армии, но и с инициативой простых москвичей. «Все жители оставляют свои дома. Их рабское поведение обусловлено тиранией их правительства. Эти варвары разрушают собственные здания»⁴⁷, – написал генерал Ж.Л. Шаррье.

Обозревая горящую Москву, ненавистью к организаторам пожара исполнился и Стендаль: «Мы видели огромные горящие пирамиды из мебели. Это дело совершил коварный Ростопчин»⁴⁸. Прежнее ироничное описание войны исчезло из его писем. Опасность заставила Стендаля задуматься о смерти и это, как полагаем, помогло ему сохранить память о своем пребывании в Москве. Возможно, именно поэтому он решил когда-нибудь отправить своему другу Ф. Фору дневник: «Сохрани эту болтовню. Необходимо, чтобы я извлек пользу из этих страданий»⁴⁹.

Вполне очевидно, что основная часть солдат вслед за 19-м бюллетенем возлагала ответственность за организацию пожара на Ростопчина. Лишь немногие, среди них был и Фантен дез Одар, понимали, что Европа может связать пожар с действиями французов: «Пускай Европа думает, – записал в дневнике Фантен дез Одар, – что французы сожгли Москву, может быть, история воздаст должное этому варварскому действию»⁵⁰. Осознавая, что русское правительство может связать этот акт с проявлением чувства патриотизма, он отметил, что уничтожение собственного города и любовь к Родине – взаимоисключающие проявления гражданской позиции.

Немногие из солдат решились обвинить в пожаре российского императора. Среди них был капитан Л.Н. Плана де Файе, который в письме от 15 октября написал так: «Я проклинаяю войну и суверена, который таким образом играет счастьем, судьбой и жизнью людей». Фантен дез Одар также отметил, что император Александр должен разделить ответственность за содеянное с городом и его жителями⁵¹. В этот же день он предположил, что причина, по которой французы оказались в столь сложной ситуации, – это изначально неверные представления о русской цивилизации. Вполне очевидно, что подобные действия возмущали французов и выходили, по их мнению, за рамки европейских представлений о войне.

В свою очередь, русская пресса сводила пребывание французских солдат в Москве к сюжетам разгрома варварами прекрасного города: «Некоторые жители, которые не успели покинуть Москву рассказывали, что французы грабят дома, ломают ненужную им мебель. Во многих улицах Москвы пожары не перестают, и столица курится

непрестанно дымом, который свидетельствуя варварство врагов наших, кажется, призывает из окрестностей храбрый Христоролюбивый народ Российский на отмщение врагам Отечества»⁵².

Французская пресса, стремясь не допустить появления каких-либо сомнений в обществе относительно действий своего императора, представляла пребывание Наполеона в Москве как вершину триумфа, торжества цивилизации над варварством. В честь этой победы была поставлена опера «Освобожденный Иерусалим», символизирующая победу Запада над Востоком во времена крестовых походов. Не случайно премьера этого произведения состоялась в период пребывания французов в Москве. Реплики, фразы, которые звучали со сцены, были более чем актуальны. Слова одного из героев, к примеру, явно вызвали ассоциации с тем, что Россия отказывается подписывать мир, и французы вынуждены вести затяжную войну до полной победы:

Итак! Вы отклоняете мир!

Вы отказываетесь от моих условий!

Тогда я должен объявить вечную войну!

Звучала мысль и о нарушении неприятелем обычаев войны, почему крестоносцы и были должны сражаться с особой жестокостью:

Давайте предадимся справедливой мести!

Давайте накажем подлых сарацин за наглость!

Пусть стены этого города станут нашим триумфом!

Да, диалектика войны в любые времена диктует необходимость конструирования образа врага в информационном пространстве как ключевого элемента пропаганды. В связи с этим интересно размышление юре французской католической церкви в Москве аббата А. Сюрюга, жизненный опыт которого позволял достаточно критично подойти к оценке действий, как русской армии, так и французской⁵³. Он, будучи французом, уже много лет жил в России.

19 октября, осмыслив произошедшие события, Сюрюг в письме аббату П. Буве, представил французскую армию как армию грабителей, уничтожающих все на своем пути, даже церкви. Он допустил мысль о том, что французы своими неосторожными действиями могли способствовать разжиганию пожара⁵⁴. Однако, несмотря на столь суровое замечание в адрес французов, основным виновником произошедшего аббат называет русское правительство, «которое подвергло собственных мирных граждан страшной опасности»⁵⁵. «Что Россия доказала этим пожаром?» – выразил свое негодование Сюрюг, – «она только пре-

вратила в пепел свои прекрасные здания»⁵⁶. «Пусть этот поступок будет вынесен на суд будущих поколений»⁵⁷, – подвел итог произошедшему, не делая скоропалительных выводов, аббат. Эта книга была опубликована во Франции в 1823 г. Она внесла некую ясность или, возможно, всего лишь подтвердила существующую версию о событиях, случившихся в Москве в 1812 г.

Страшное разрушение города, свидетелями которого оказались солдаты Великой армии, повлияло не только на трансформацию образа неприятеля, но и на переиначивание смысла этой войны в их сознании. Они уже не надеялись на победоносное окончание этой кампании. Они утешали себя тем, что делились размышлениями по поводу предполагаемых дальнейших планов императора⁵⁸. «Император, видимо, хочет остаться в Москве, не дает никаких новостей, и мы всегда ожидаем “Монитор”, чтобы их узнать»⁵⁹, – написал генерал Ж. Жюно своей жене.

Страх не вернуться домой, беспокойство за будущее, потеря надежды на заключение мирного договора как будто парализовали армию, день за днем способствуя ее разложению. Ситуацию, в которой оказались солдаты, довольно точно и образно описал Фантен дез Одар: «Мы поражены похоронной тишиной, не слышно шума на улице, звона колоколов церквей. Все умерло. Эти прекрасные дворцы стали для нас пустой мебелью. Создается впечатление, что Геркуланум и Помпеи вышли на поверхность»⁶⁰.

Однако многие солдаты в этой «похоронной тишине» нашли способ занять свое свободное время. Так, М. Ташер гулял по городу в поисках красивых мест, о чем он написал в своем дневнике: «Посещал церковь в городе, много встретил интересных памятников архитектуры, наблюдал живописные картины»⁶¹. Майор Д. Стружевский получал удовольствие от спектаклей, которые давались в Москве французскими актерами: «Вчера я смотрел спектакль, в котором играли актеры французского театра. Игру устроили в одном из спасенных от пожара домов, так как здание театра сгорело. Я был восхищен всем, что я увидел»⁶². Кастеллян прогуливался по городу и был доволен тем, что расположился в чудесном дворце: «Я иду к прекрасному дворцу принца Куракина. Моя квартира очаровательна: у нее есть даже камин и портрет принца в моей спальне»⁶³. Герой Бородинской битвы, понимая, что «такое хождение от дворца к дворцу» разобщает армию, заметил, что ему не хватает войны и службы⁶⁴.

Французское общество, не получая никакой информации о передвижении армии, в этот период, в основном тешило себя иллюзиями, рождавшимися прессой. В публицистике все чаще упоминалось об отсталости русских по сравнению с европейцами. В момент, когда чины Великой армии испытали серьезные разочарования в самом смысле этой кампании, в Париже вышел специальный номер журнала «Французский зритель», в котором акцентировалось внимание на том, что только благодаря влиянию западной культуры Россия смогла приобщиться к цивилизации. В журнале особо была отмечена деятельность императора Петра Великого, который осознал факт отсталости России по сравнению с европейскими странами и понимал необходимость сотрудничества с Западом⁶⁵. В сознании общества должно было создаться представление о том, что посланники Запада и на этот раз принесли в Россию цивилизацию.

В свою очередь, русская публицистика описывала пребывание французов в древней столице как пример, который бесчестит Францию: «Каждый выходец из Москвы подтверждает, что французы производят там непрестанные грабежи и неистовства их превосходят всякое воображение»⁶⁶. Так, события в Москве в 1812 г. стали для обеих сторон примером варварского поведения друг друга.

В то время, как в Париже публика наслаждалась известиями о захвате Москвы, французских солдат, оказавшихся там, постепенно покидало чувство готовности к продолжению борьбы. Основная часть чинов армии предалась безудержному веселью. «Комично наблюдать, как все веселятся, целуются, чтобы показать свою радость. Я пришел к выводу, что люди большие безумцы», – зафиксировал 4 октября в дневнике Каstellян всю нелепость поведения солдат в создавшихся обстоятельствах.

Чувство опасности, обострившееся во время пожаров, угасло⁶⁷, и большинство солдат решили не возвращаться в своих письмах и дневниках к этим событиям, среди таких людей был и Стендаль. Мы узнаем из его писем, что дни с 16 сентября по 2 октября он провел в одиночестве, наслаждаясь сочинением пьесы «Летелье»: «Я заболел, и мне дали 8 дней одиночества. В этих обстоятельствах я должен возобновить написание «Летелье». Это у меня вызывает сладкие воспоминания»⁶⁸. Возможно, главный герой произведения напомнил ему тщеславного юношу, который отправился в «дикую» Россию за баронским титулом и жестоко разочаровался в своих надеждах. Через несколько лет

в предисловии к этой пьесе Стендаль вспомнил о своем пребывании в Москве: «Я возобновил тогда Летелье для того, чтобы занять эти пустые дни»⁶⁹. Конечно, спустя годы, взглянув на московские дни с высоты состоявшегося писателя, он посчитал пребывание в русской столице бесполезным. Вопреки всей сложившейся в Москве ситуации Стендаль подбадривал себя мыслями об искусстве: «Кажется, мне придется провести здесь зиму; надеюсь, что у нас будут концерты». В этой фразе чувствуется спокойствие, но, возможно, это было лишь стремлением скрыть свой страх перед неизвестностью⁷⁰. Конечно, в очередной раз писатель не избежал возможности охарактеризовать свое окружение: «Я тебе пишу в маленьком дворце, где два молодых дурака, прибывшие из Парижа, рассказывают о том, чем бы они хотели заняться в Москве»⁷¹.

Запечатлев в письмах и дневниках напряженные, полные драматизма обстоятельства своего пребывания в Москве, выплеснув на бумагу свое презрение по отношению к «варварам», французы обратились к своему внутреннему миру и повседневным заботам. Это уже были не прежние солдаты, упоенные своей победой под Москвой. Они уже были готовы смириться даже с возможным поражением.

Бессмысленное «сидение в Москве» заставило солдат вспомнить о самых счастливых моментах их жизни на родине и переосмыслить многие ценности. «Достаточно говорить о войне, я теперь хочу, моя дорогая, сказать, что я люблю тебя все больше и больше, я скучаю так, словно я умер. Я уже не желаю ничего, кроме того, чтобы тебя снова увидеть»⁷², — так выразил свои чувства в письме генерал Ж. Жюно своей возлюбленной Елизавете-Августе. Генерал Ж.Д. Компан в эти дни сообщил жене, что постарается выжить для того, чтобы вновь ее увидеть⁷³.

В те дни даже Стендаля охватили воспоминания о Франции, в чем он признался в письме 16 октября графине А. Дарю, где в шуточной форме описал свои приключения в Москве. Он довольно легкомысленно дал понять графине цель своего путешествия: «Я поехал в Россию в поисках развлечений, я их не нашел и все время думаю о Франции»⁷⁴. Вполне искренне и, как кажется, достаточно точно, он описывал те события, которые изменили его жизнь и взгляд на свое собственное призвание. «Я, к сожалению, — читаем мы в его записной книжке, — далеко не тот человек, каким был в 1811 г. Вернувшись из Москвы, я не нашел в себе больше тех страстей, которые нарушали однообразие моей жизни»⁷⁵.

Вполне очевидно, что каждый в глубине души вынужден был признать, что, может быть, находится на пороге смерти. Каstellян в своем журнале выразил опасения по поводу будущего, которое их ожидает так: «Мы будем вынуждены пересечь страну, занятую врагом. Мой добрый товарищ Мортемар попрощался со мной, так как не уверен, что мы снова увидимся»⁷⁶. В создавшемся положении солдаты подбадривали себя единственной оставшейся надеждой – верой в гений Наполеона. «Император выглядит как в кампании при Аустерлице»⁷⁷, – заметил Каstellян, видимо, надеясь на положительный исход событий, как было в 1805 г. «Я готов служить во имя будущего»⁷⁸, – написал 18 октября Фантен дез Одар, понимая, что для Великой армии приближается момент истины.

По-видимому, те чины, которые оставили после себя письменные свидетельства, осознавали, что худшее, что с ними могло произойти еще впереди, и что им предстоит «посмотреть в глаза смерти» в ходе отступления. М. Ташер в эти дни перестал вести свой дневник. Вернувшись к нему уже после завершения кампании, он написал, что «с 18 октября началось самое ужасное отступление из России»⁷⁹. Вполне очевидно, что пребывание в Москве трансформировало образы тех побед, которые они ранее в ходе кампании одержали. Так, капитан Ж. Бро в 1813 г., будучи в русском плену, решил написать о наиболее памятных для него событиях. Сражение при Москве-реке он назвал «самым ужасным, которое когда-либо видел»⁸⁰. «Москва была большим и красивым городом, не единообразно построенная, как Париж, но намного больше, имея, по крайней мере, на пятьсот дворцов больше, чем Париж; многочисленные магазины могли бы накормить армию в течение двух лет, если бы русские не сожгли собственную столицу»⁸¹, – такими словами он вспоминал о своем пребывании в Москве спустя три месяца.

Итак, пребывание в Москве стало чрезвычайно драматическим этапом жизни для всех участников похода; самым важным в тот момент оказались уже не награды и победы, а стремление сохранить человеческий облик, сохранить верность дружбе и верность императору. В экстремальной ситуации, сложившейся в Москве, чуть ли не единственное, что могло еще поддерживать дух французских солдат – это вера в императора. Так, чувствуя страх, ощущая опасность, значительная часть солдат вынуждена была довериться официальной пропаганде, стирая из своей памяти проникнутые индивидуальностью образы событий, тем самым способствуя формированию «коллективного воображаемого». Более того, не комфортное пребывание в Москве, способствовало формированию

негативного образа не только неприятеля, но и самой русской цивилизации. Принимая во внимание, что французские солдаты играли роль своеобразных посредников в диалоге между культурами, мы полагаем, что «сидение в Москве» серьезно повлияло на закрепление представления об этой войне как о жестокой борьбе цивилизаций не только в умах чинов Великой армии, но и в целом всего западноевропейского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Земцов В.Н.* Наполеон в Москве. М., 2014.

² *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2.

³ *Journal du maréchal de Castellane.* P., 1895. P. 148.

⁴ *Ibid.* P. 151.

⁵ *Boudon J.O.* Lettres de la campagne de Russie. P., 2012. P. 64, 72.

⁶ *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow.* P., 1913. P., 66.

⁷ *Peyrusse M.* 1809–1815, mémorial et archives de M. le baron Peyrusse. P., 1869. P. 89.

⁸ *Fantin Des Odoards L.F.* Journal du général Fantin Des Odoards. P., 1895. P.71.

⁹ *Ibid.* P. 329.

¹⁰ *Journal de l'Empire.* P., 1812. 01 septembre.

¹¹ *Ibid.* 05 septembre.

¹² *Ibid.* 23 septembre.

¹³ М.И. Кутузов писал 29 августа императору: «Баталия, от 26 августа бывшая, была самая кровопролитная из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель тогда ретировался в ту позицию, с которой пришел нас атаковать; но чрезвычайная потеря с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге. Сегодня нахожусь я в деревне Наре, и должен отступить еще на встречу к войскам, идущим ко мне из Москвы на подкрепление. Пленные сказывают, что неприятельская потеря чрезвычайно велика, и что общее мнение во французской армии, что они потеряли ранеными и убитыми 40 тыс. чел. Кроме дивизионного генерала Бонами, который взят в плен, есть другие убитые, между прочими Даву ранен» («Северная почта». 1812. С. 309).

¹⁴ Более подробно о пребывании французов в Москве см. *Земцов В.Н.* Указ. соч. М., 2014.

¹⁵ См.: «Я не могу передать всю красоту этого города; он намного больше, чем Париж, и более прекрасен. Я надеюсь, что мир скоро будет подписан. Жители Москвы, видимо, очень гостеприимны, так как оставили в наше распоряжение

все дома. Мы смогли найти здесь вино, ветчину и другое продовольствие. Несмотря на все эти удовольствия, я никогда не участвовал в более суровой кампании» (Даншель, служащий почты Великой армии – родителям, Москва, 15 октября // *Service historique de la Défense (SHD). GR 1. K 111.*

¹⁶ *Fantin Des Odoards L.F.* Op. cit. P. 14.

¹⁷ *Journal du maréchal de Castellane.* P. 154.

¹⁸ *Ibidem.*

¹⁹ Цит. по: *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 54.

²⁰ Например, лейтенант А. Бафремон написал своему отцу 28 сентября: «Чрезвычайная усталость, отсутствие времени – причина моего долгого молчания. Меня произвели в лейтенанты после большого сражения» // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriaïnow.* P., 1913. P. 11.

²¹ «В сражении мы отбили много русских атак. В результате захватили Москву» (сержант Ж.Ф. Фуке – барону Л.Ж. Амелю, Москва, 19 сентября // *Ibid.* P. 13); «Эта кампания превосходна для нашего полка. Мы испытали ощущение триумфа в сражении» (Ж.А. Леушер, адъютант, 16 сентября, 1812 г., Москва // *Ibid.* P. 14).

²² Лейтенант П.Л. Паради – отцу, Москва, 25 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 19.

²³ Лейтенант Л.Ф. Куантин – мадам Куантин, Москва, 20 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 20.

²⁴ Ж.А. Леушер, адъютант – мадам Анриет, Москва, 16 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 16.

²⁵ *Stendhal. Journal. (1811–1823).* T. V. P., 1937. P. 106

²⁶ *Ibid.* P. 110

²⁷ Н. Витас, шеф батальона – жене, Москва, 23 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 28.

²⁸ «Я полагаю, что император России будет просить мир» (лейтенант Ф.Ш. Лист – жене, Москва, 22 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 25).

²⁹ Генерал Ф.А. Тест – жене, Москва, 23 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 27; «Мы терпим много трудностей в этой ужасной стране» (Ф. Шартон, военный комиссар, Москва, 27 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 48).

³⁰ Майор Д. Стружевский – жене, Москва, 12 октября, 1812 г. // *Ibid.* P. 50.

³¹ Походный журнал су-лейтенанта Дюке // *SHD. 1K 196.*

³² Графиня М.Э. Бараг Д'Илье – генералу Л. Д'Илье, 28 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 55.

³³ П. Бернар, лейтенант – жене, Москва, 23 сентября, 1812 г. // *Ibid.* P. 29.

³⁴ *Correspondance générale de Napoléon Bonaparte.* T. 12. P., 2012. P. 1101.

³⁵ *Ibid.* P. 1103.

³⁶ *Ibid.* P. 1100.

³⁷ *Ibid.* P. 1101.

³⁸ Бассано – Макдональду, 21 сентября, 1812 г. // SHD. 2С 131.

³⁹ «Мы с 14 сентября в Москве, это прекрасный город. Император России приказал его сжечь» (лейтенант П. Бернар, Москва, 23 сентября, 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 29); «Русские проявили варварство в уничтожении гордости своей страны – этого большого города» (генерал Ж.Л. Шаррье // *Lettres interceptées...* P. 37); «Русские сожгли этот богатый город» (генерал Л.Ж. Грандо полковнику Ж.Ф. Ну, Москва, 27 сентября, 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 38).

⁴⁰ Бурво – жене, Москва, 29 сентября. 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 58.

⁴¹ Ж.П. Баррие, Москва, 24 сентября, 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 32; «Да, это не иначе как варвары, скифы, сарматы, те, кто сжег Москву» – написал 21 сентября Фантен дез Одар (Fantin des Odoards. Op. cit. P. 330).

⁴² *Journal du maréchal de Castellane*. P. 91.

⁴³ Ж. Эйшнер, музыкант 35-го линейного, Москва, 25 сентября // *Lettres interceptées...* P. 36.

⁴⁴ Ван Бокон, капитан своему отцу, Москва, 27 сентября // *Ibid*. P. 49.

⁴⁵ Генерал Ж.Л. Шаррье, Москва, 27 сентября // *Ibid*. P. 37.

⁴⁶ Итасс – кузине. Москва, 14 октября, 1812 г. // *Ibid*. P. 109.

⁴⁷ Генерал Ж.Л. Шаррье, Москва, 27 сентября, 1812 г. // *Ibid*. P. 37

⁴⁸ *Stendhal*. Op. cit. P. 114.

⁴⁹ *Ibid*. P. 115.

⁵⁰ Fantin des Odoards. Op. cit. P. 336.

⁵¹ *Ibid*. P. 333.

⁵² Северная почта. 1812. С. 319.

⁵³ Более подробно см.: Земцов В.Н. Аббат Сюрюг и французский «миф» о московском пожаре 1812 года // *Imagines mundi: Альманах исследований по всеобщей истории XVI–XX вв.* №4. 2006.

⁵⁴ *Lettres sur l'incendie de Moscou*. P., 1823. P. 12.

⁵⁵ *Ibid*. P. 16.

⁵⁶ *Ibid*. P. 39.

⁵⁷ *Ibid*. P. 40.

⁵⁸ Кудер – жене, Москва, 27 сентября, 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 51; Полковник Ж.П. Баррие, Москва, 24 сентября, 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 32.

⁵⁹ Генерал Ж. Жюно – жене, Москва, 13 октября, 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 83.

⁶⁰ Fantin des Odoards. Op. cit. P. 341.

⁶¹ *Tascher M. Le journal de campagne d'un cousin de l'Impératrice (1806–1813)*. P., 1869. P. 310.

⁶² Майор Д. Стружевский – жене, Москва, 12 октября // *Lettres interceptées...* P. 92.

⁶³ *Journal du maréchal de Castellane*. P. 167.

- ⁶⁴ Ibid. P. 169.
- ⁶⁵ Le Spectateur français au XIXme siècle. P., 1812. P. 381.
- ⁶⁶ Северная почта. 1812. С. 328.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Stendhal. Correspondance (1812–1861). Т. IV. P., 1937. P. 67.
- ⁶⁹ Stendhal. Théâtre. P., 1931 P. 14
- ⁷⁰ Stendhal. Correspondance (1812–1816). P. 69
- ⁷¹ Ibid. P. 69.
- ⁷² Жюно Елизавете-Августе, Можайск, 13 октября, 1812 г. // Ibid. P. 84.
- ⁷³ *Ternaux-Compans H.* Le général Compans d'après ses notes de campagnes et sa correspondance de 1812–1813. P., 1912. P. 161.
- ⁷⁴ Stendhal. Correspondance (1812–1816). P. 70.
- ⁷⁵ Stendhal. Journal (1811–1823). P., 1937. Т. 5. P. 117.
- ⁷⁶ Journal du maréchal de Castellane. P. 174.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ *Fantin des Odoards.* Op. cit. P. 342.
- ⁷⁹ Tascher M. Op. cit. P. 314.
- ⁸⁰ Lettre d'un capitain Jean Breat. P., 1922. P. 16.
- ⁸¹ Ibid. P. 26.